

Воротник её одежды был распахнут, и Линь Юйцзэ, украдкой поглядывая на Императрицу, видела, что та, полностью погруженная в государственные бумаги, лишь слегка вспотела. Сидя с кистью в одной руке и свитком в другой, она сохраняла безупречный вид.

Не зря она моя Императрица, — подумала Линь Юйцзэ, мысленно отдавая должное её выдержке.

Воспользовавшись моментом, чтобы сменить чай, Линь Юйцзэ тихонько выскользнула из опочивальни. Снаружи, помимо дворцовых служанок, готовых по первому зову войти внутрь, никого не было — обычно остальных отсылали подальше лишь в особых случаях.

Подозвав к себе юную служанку, Линь Юйцзэ спросила:

— Что происходит? Почему все стоят так далеко от двора?

Неискушенная в сердечных делах девушка смущенно пролепетала:

— Э-это... так приказал евнух Сюй...

Линь Юйцзэ сжала кулаки. Сюй Дэчжун, идиот! Она просила его подготовить благовония, а не использовать их прямо на ней!

Глубоко вдохнув свежий воздух, она почувствовала, как жар в теле немного отступил. В конце концов, это были всего лишь ароматические палочки, они не могли лишить человека рассудка окончательно. Вернувшись в опочивальню, она небрежно подошла к курильнице. Держа чашку с чаем, она планировала, пока Императрица не видит, залить тлеющий уголек.

— А-Цзэ, не ленись, продолжай просматривать доклады!

Неожиданный голос Императрицы заставил её вздрогнуть, и чай едва не расплескался. Даже сейчас в мыслях у государыни были одни лишь свитки! Отказавшись от идеи погасить благовония чаем, Линь Юйцзэ решила проверить, что сильнее: чары аромата или скучные государственные дела.

Поправив одежду и накинув верхний халат, госпожа Линь села с самым серьезным видом, взяла документ, но взгляд её то и дело скользил поверх бумаги на Императрицу. Невольно она залюбовалась её фигурой. Даже сквозь широкие одежды драконьего халата угадывались изящные изгибы. В этой жизни Цзян Ли была на редкость статной — неужели из-за того, что питалась лучше, чем в прошлой?

Взгляд Линь Юйцзэ блуждал сверху вниз и обратно. Жар внутри усиливался.

Поняв, что сосредоточиться на нудных докладах не удастся, она вытащила Свиток Подсолнуха, который Императрица принесла в опочивальню и бросила под стол.

— Желаящий овладеть сим искусством должен лишить себя мужского достоинства. Иначе жар поднимется изнутри, тело воспламенится, и хаос овладеет разумом...

Линь Юйцзэ, надеявшаяся отвлечься, лишь вырыла себе яму. Если раньше это были лишь праздные мысли, то теперь всё стало гораздо серьезнее. Истинная Ци Бэймин в её меридианах пришла в беспорядок, а внутренняя энергия в море Ци начала бушевать.

Беда. Не стоило читать этот демонический свиток. Она наивно полагала, что на женщин он не подействует, но теперь была в этом не уверена.

Императрица напротив внезапно зашевелилась.

— А-Цзэ, мне отчего-то стало жарко.

Смирение, пустота, всё есть пустота... Линь Юйцзэ изо всех сил пыталась укротить внутреннюю энергию. Потеря контроля грозила безумием.

— А-Цзэ, почему у тебя такое красное лицо? — спросила Императрица.

Пустота, пустота, нет, не пустота... Линь Юйцзэ, покрываясь потом и с трудом подавляя нахлынувшие чувства, пробормотала:

— Цзян Ли, мне слишком жарко, я прилягу там ненадолго.

Не дожидаясь ответа, она бросилась к кровати и взобралась на неё, чтобы медитировать. Однако вскоре Императрица последовала за ней. Стоило ей оторваться от бумаг, как она почувствовала, что с её телом творится что-то неладное.

Обычно холодный и чистый голос государыни теперь звучал мягко и вкрадчиво:

— А-Цзэ, мне нехорошо.

Из носа Линь Юйцзэ потекла горячая струйка. Она коснулась лица — кровь! Истинная Ци окончательно вышла из-под контроля! Видя, что Линь Юйцзэ не реагирует, Цзян Ли тронула её за плечо.

Прохладная кожа Императрицы, коснувшись раскаленного тела Линь Юйцзэ, заставила ту вздрогнуть. Линь Юйцзэ медленно повернула голову. Императрица выглядела невероятно соблазнительно: глаза подернулись влажной дымкой, а взгляд, полный упрека и страсти, был устремлен прямо на неё.

— Линь Юйцзэ, ты мерзавка! — даже при всей своей сдержанности Императрица поняла, что с её телом происходит нечто странное, и закономерно возложила вину на вечно проказничающую госпожу Линь.

Последние барьеры рухнули. Линь Юйцзэ больше не могла сдерживать бушующую в ней энергию.

— Будь что будет! — воскликнула она, вскочила и толкнула Императрицу на кровать.

Снаружи Сюй Дэчжун заставил стражников и евнухов отойти еще дальше, а затем шепнул служанке:

— Завтра к утру распорядись, чтобы на кухне приготовили чай для смягчения горла.

...

Утренний доклад на следующий день снова отменили. Неужели опять покушение? Министры, перешептываясь, покинули дворец.

Биологические часы разбудили Императрицу вовремя. О том, что всё тело ломило, не стоило и говорить — стоило ей приподняться, как поясницу пронзила острая боль, словно её переломили пополам. Сбросив одеяло, Цзян Ли ахнула: всё тело было покрыто красными пятнами. Она не хотела признавать, что это её кожа.

Виновница происшествия безмятежно спала рядом. Цзян Ли в гневе дважды ударила её, но Истинная Ци Бэймин, восстановив равновесие, автоматически защищала Линь Юйцзэ, и та даже не пошевелилась.

Мерзавка!

Разъяренная Императрица впилась зубами в покрасневшую щеку спящей.

— Ай! — Линь Юйцзэ вскочила, спросонья не понимая, что происходит. — Цзян Ли, ты чего кусаешься?

— Посмотри, что ты натворила! — сердито бросила Императрица, указывая на следы на своем теле, а затем на изорванный в клочья халат на полу.

Линь Юйцзэ втянула голову в плечи и предпочла промолчать.

...

В тот день во дворце ходили две новости: во-первых, со дня восшествия на престол

Императрица впервые без причины отменила утренний доклад; во-вторых, поползли слухи, что госпожа Линь, явившись утром на аудиенцию, была с позором изгнана из дворца.

Благодаря стараниям Цзиньивэй, видевших всё своими глазами, история обросла подробностями: якобы госпожа Линь разгневала Императрицу и вот-вот впадет в немилость.

Линь Юйцзэ не могла оправдаться. Её брат был мужем сестры Императрицы. Если она расскажет Цзян Ли, что у Линь Юйчи проблемы с мужской силой, та из жалости к сестре может настоять на разводе, и что тогда делать?

Императрица приказала ей три дня не попадаться на глаза. Линь Юйцзэ оставалось лишь терпеть, как глухонемой, съевший горькую траву. Она решила заняться делом. Оценив уровень подготовки Цилиньвэй, она нашла людей, способных устроить настоящее покушение на Императрицу — это помогло бы полностью вытеснить влияние Цзиньивэй из дворца.

Свиток Подсолнуха был идеален для быстрых, смертоносных атак. А Божественное Искусство Бэймин позволяло не только поглощать, но и передавать энергию. Передав своим людям по двадцать лет мастерства, она обеспечила бы им свободный путь во дворец.

В столице Линь Юйцзэ купила большой особняк без опознавательных знаков. Там жили сироты и нищие, согласившиеся на оскотление ради службы во дворце.

— Принеси список, — приказала она.

— Слушаюсь, госпожа, — ответил управляющий У, отвечавший за обучение юношей.

Из сотни послушников она выбрала двенадцать лучших, дав им имена по системе циклических знаков и фамилию Му. Выбрав одного из самых способных, она сказала:

— Му И, подойди, у меня для тебя задание.

Остальные евнухи с завистью смотрели на него. Управляющий У, человек опытный, тут же добавил:

— У вас будет еще много шансов. Хотите добиться успеха — учитесь и тренируйтесь, поняли?

— Поняли! — грянули они в ответ.

Объяснив задачу, Линь Юйцзэ строго наказала не причинить Императрице реального вреда. Покушение назначили на утро следующего дня: Императрица, упрямо перенесшая отмененный доклад, должна была появиться во дворце именно тогда.

Вернувшись в поместье Линь, она продолжила свою терапию. В саду, где открывался прекрасный вид, она поставила таз и, подняв кувшин с водой высоко над головой, начала лить воду.

Вода с шумом ударялась о дно. Линь Юйцзэ, сжимая кувшин, другой рукой до боли впилась в собственное колено. По мере того как таз наполнялся, на её лбу вздувались вены. Она проделывала это упражнение много раз: от нежелания даже прикоснуться к кувшину она дошла до того, что могла лить воду почти без остановки.

В гомеровском эпосе Ахиллес, омытый в священных водах, стал неуязвим, но из-за того, что пятка не коснулась воды, погиб от стрелы. Линь Юйцзэ не могла позволить себе иметь подобную слабость.

Когда вода закончилась, она была вся в холодном поту. Приняв ванну, она услышала лай из соседнего двора. Линь Юйцзэ, воспользовавшись отсутствием Пятой принцессы, прокралась к брату. Застав Линь Юйчи за игрой с собакой, она вытащила из рукава сверток с благовониями.

— Брат, ты в последнее время не чувствуешь сильной усталости? Может, силы уже не те?

Линь Юйчи кивнул. С тех пор как он стал инспектором, ему приходилось много ездить, и после возвращения домой он часто чувствовал себя разбитым. Линь Юйцзэ, изобразив сочувствие, сунула ему в руки благовония.

— Если вдруг почувствуешь... ну, скажем так, нехватку сил, когда спишь с женой, зажги это в курильнице.

Линь Юйчи не понял намека:

— Что это? Для бодрости? Помогает?

— Еще как помогает, — уверенно заявила Линь Юйцзэ. — Сама проверяла, у меня до сих пор поясница и руки ноют!

Похлопав брата по плечу, она сочувственно добавила:

— Вам, мужчинам, порой тоже нелегко.

Дальше говорить было неудобно — эпоха была не та, чтобы обсуждать подобное открыто, да и брата надо было побережь. Линь Юйцзэ поспешно ретировалась, оставив брата в полном недоумении.

Лишь когда она покинула двор, до её слуха донесся яростный крик:

— Линь Юйцзэ, вернись, мерзавка!!!

Линь Юйцзэ припустила еще быстрее.